

МАЛАЯ КНИГА С ИСТОРИЕЙ

Э.Т.А. Гофман

ЩЕЛКУНЧИК
И МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ

Сказка

ИЛЛЮСТРАЦИИ
АРТУША ШАЙНЕРА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА
2019

ЁЛКА

Двадцать четвёртого декабря детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а уж в смежную с ней гостиную их совсем не пускали. В спальне, прижавшись друг к другу, сидели в уголке Фриц и Мари. Уже совсем стемнело, и им было очень страшно, потому что в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц таинственным шёпотом сообщил сестрѐнке (ей только что минуло семь лет), что с самого утра в запертых комнатах чем-то шуршали, шумели и тихонько постукивали. А недавно через прихожую прошмыгнул маленький тѐмный человечек с большим ящиком под мышкой; но Фриц наверное знает, что это их крѐстный, Дроссельмейер. Тогда Мари захлопала от радости в ладоши и воскликнула:

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крѐстный?

Старший советник суда Дроссельмейер не отличался красотой: это был маленький

сухонький человечек с морщинистым лицом, с большим чёрным пластырем вместо правого глаза и совсем лысый, почему он и носил красивый белый парик; а парик этот был сделан из стекла*, и притом чрезвычайно искусно. Крёстный сам был великим искусником, он даже знал толк в часах и даже умел их делать. Поэтому, когда у Штальбаумов начинали капризничать и переставали петь какие-нибудь часы, всегда приходил крёстный Дроссельмейер, снимал стеклянный парик, стаскивал жёлтенький сюртучок, повязывал голубой передник и тыкал часы колючими инструментами, так что маленькой Мари было их очень жалко; но вреда часам он не причинял, наоборот — они снова оживали и сейчас же принимались весело тиктикать, звонить и петь, и все этому очень радовались. И всякий раз у крёстного в кармане находилось что-нибудь интересное для ребят: то человечек, ворочающий глазами и шаркающий ножкой, так что на него нельзя смотреть без смеха, то коробочка, из которой выскакивает птичка, то ещё какая-нибудь штучка. А к Рождеству он всегда мастерила красивую затейливую игрушку, над которой много трудился. Поэтому родители тут же заботливо убирали его подарок.

---

* То есть из стеклянного волокна.

А К РОЖДЕСТВУ ОН ВСЕГДА МАСТЕРИЛ
КРАСИВУЮ, ЗАТЕЙЛИВУЮ ИГРУШКУ,
НАД КОТОРОЙ МНОГО ТРУДИЛСЯ

– Ах, что-то смастерил нам на этот раз крёстный! – воскликнула Мари.

Фриц решил, что в нынешнем году это непременно будет крепость, а в ней будут маршировать и обучаться ружейным приёмам прехорошенькие нарядные солдатики, а потом появятся другие солдатики и пойдут на приступ, но те солдаты, что в крепости, отважно выпалят в них из пушек, и поднимется шум и грохот.

– Нет, нет, – перебила Фрица Мари, – крёстный рассказывал мне о прекрасном саде. Там большое озеро, по нему плавают чудо какие красивые лебеди с золотыми ленточками на шее и распевают красивые песни. Потом из сада выйдет девочка, пойдёт к озеру, примет лебедей и будет кормить их сладким марципаном...

– Лебеди не едят марципана, – не очень вежливо перебил её Фриц, – а целый сад крёстному и не сделать. Да и какой толк нам от его игрушек? У нас тут же их отбирают. Нет, мне куда больше нравятся папины и мамины подарки: они остаются у нас, мы сами ими распоряжаемся.

И вот дети принялись гадать, что им подарят родители. Мари сказала, что мамзель Трудхен (её большая кукла) совсем испортилась: она стала такой неуклюжей, то и дело пада-

ет на пол, так что у неё теперь всё лицо в противных отметилах, а уж водить её в чистом платье нечего и думать. Сколько ей ни выговаривай, ничего не помогает. И потом, мама улыбнулась, когда Мари так восхищалась Греттиным зонтичком. Фриц же уверял, что у него в придворной конюшне как раз не хватает гнедого коня, а в войсках маловато кавалерии. Папе это хорошо известно.

Итак, дети отлично знали, что родители накупили им всяких чудесных подарков и сейчас расставляют их на столе.

Совсем стемнело, Фриц и Мари сидели, крепко прижавшись друг к другу, и не смели проронить ни слова; им чудилось, будто над ними веют тихие крылья и издалека доносится прекрасная музыка. Светлый луч скользнул по стене. И в то же мгновение прозвучал тонкий серебряный колокольчик: динь-динь-динь-динь! Двери распахнулись, и ёлка засияла таким блеском, что дети с громким криком «Ах, ах!» замерли на пороге.

ПОДАРКИ

Я обращаюсь непосредственно к тебе, благосклонный читатель или слушатель – Фриц, Теодор, Эрнст, всё равно, как бы тебя ни звали, – и прошу как можно живее вообразить себе рождественский стол, весь заставленный чудными пёстрыми подарками, которые ты получил в нынешнее Рождество, тогда тебе нетрудно будет понять, что дети, обомлев от восторга, замерли на месте и смотрели на всё сияющими глазами. Только минуту спустя Мари глубоко вздохнула и воскликнула:

– Ах, как чудно, ах, как чудно!

А Фриц несколько раз высоко подпрыгнул, на что был большой мастер. Уж, наверно, дети весь год были добрыми и послушными, потому что ещё ни разу они не получали таких чудесных красивых подарков, как сегодня.

Большая ёлка посреди комнаты была увешана золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пёстрые конфеты и вообще всякие сласти. Но больше всего

украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звёздочки, сверкали в густой зелени, и ёлка, залитая огнями и озявшая всё вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева всё пестрело и сияло. И чего там только не было! Не знаю, кому под силу это описать!.. Мари увидела нарядных кукол, хорошенькую игрушечную посуду, но больше всего обрадовало её шёлковое платье, искусно отделанное цветными лентами и висевшее так, что Мари могла любоваться им со всех сторон; она и любовалась им всласть, то и дело повторяя:

— Ах, какое красивое, какое милое, милое платье! И мне позволят, наверное позволят, в самом деле позволят его надеть!

Фриц тем временем уже три или четыре раза галопом и рысью проскакал вокруг стола на новом гнедом коне, который, как он и предполагал, стоял на привязи у стола с подарками. Слезая, он сказал, что конь — лютый зверь, но ничего: уж он его вышколит. Потом он произвёл смотр новому эскадрону гусар; они были одеты в великолепные красные мундиры, шитые золотом, размахивали серебряными саблями и сидели на таких белоснежных конях, что можно было подумать, будто и кони тоже из чистого серебра.

ВНИМАТЕЛЬНО ВГЛЯДЫВАЯСЬ В СЛАВНОГО
ЧЕЛОВЕЧКА, КОТОРЫЙ ПОЛЮБИЛСЯ ЕЙ
С ПЕРВОГО ЖЕ ВЗГЛЯДА...

Фриц совал ему самые большие и твёрдые орехи, но вдруг раздался треск – крак-крак! – три зуба выпали у Щелкунчика изо рта, и нижняя челюсть отвисла и зашаталась.

– Ах, бедный, милый Щелкунчик! – закричала Мари и отобрала его у Фрица.

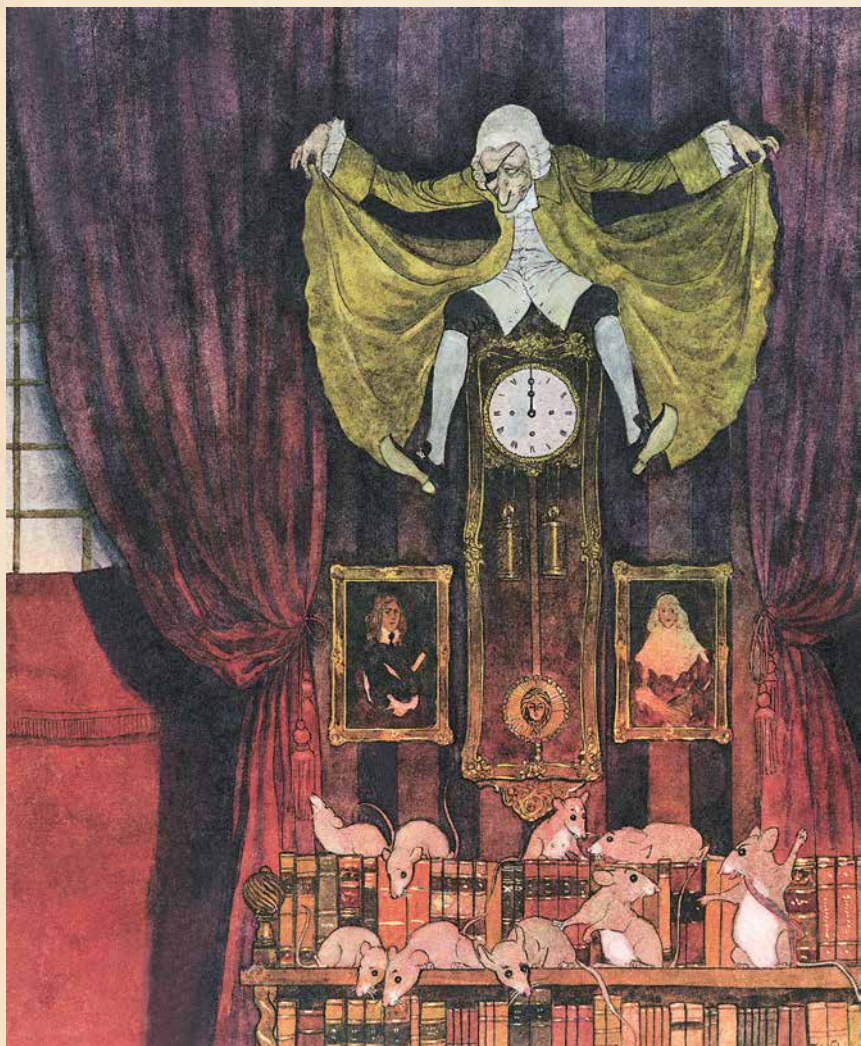
– Что за дурак! – сказал Фриц. – Берётся орехи щёлкать, а у самого зубы никуда не годятся. Верно, он и дела своего не знает. Дай его сюда, Мари! Пусть щёлкает мне орехи. Не беда, если и остальные зубы обломает, да и всю челюсть в придачу. Нечего с ним, бездельником, церемониться!

– Нет, нет! – с плачем закричала Мари. – Не отдам я тебе моего милого Щелкунчика. Посмотри, как жалостно глядит он на меня и показывает свой больной ротик! Ты человек злой: ты бьёшь своих лошадей и даже позволяешь солдатам убивать друг друга.

– Так полагается, тебе этого не понять! – крикнул Фриц. – А Щелкунчик не только твой, он и мой тоже. Давай его сюда!

Мари разрыдалась и поскорее завернула больного Щелкунчика в носовой платок. Тут подошли родители с крёстным Дроссельмейером. К огорчению Мари, он принял сторону Фрица. Но отец сказал:

– Я нарочно отдал Щелкунчика на попечение Мари. А он, как я вижу, именно сейчас

МАРИ ЧУТЬ НЕ УБЕЖАЛА СО СТРАХУ, НО ТУТ
ОНА УВИДЕЛА, ЧТО НА ЧАСАХ ВМЕСТО СОВЫ
СИДИТ КРЁСТНЫЙ ДРОССЕЛЬМЕЙЕР

И при этом он выхватил свою крохотную сабельку, замахал ею в воздухе и закричал:

– Эй вы, мои верные вассалы, друзья и братья! Постоите ли вы за меня в тяжком бою?

И сейчас же отозвались три паяца, Панталоне*, четыре трубочиста, два бродячих музыканта и барабанщик:

– Да, наш государь, мы верны вам до гроба! Ведите нас в бой – на смерть или на победу!

И они ринулись вслед за Щелкунчиком, который, горя воодушевлением, отважился на отчаянный прыжок с верхней полки. Им-то было хорошо прыгать: они не только были разряжены в шёлк и бархат, но и туловище у них было набито ватой и опилками; вот они и шлёпались вниз, будто кулёчки с шерстью. Но бедный Щелкунчик уж наверное переломал бы себе руки и ноги; подумайте только – от полки, где он стоял, до нижней было почти два фута, а сам он был хрупкий, словно выточенный из липы. Да, Щелкунчик уж наверное переломал бы себе руки и ноги, если бы в этот миг, как он прыгнул, мамзель Клерхен не соскочила с дивана и не приняла в свои нежные объятия потрясающего мечом героя.

– О милая, добрая Клерхен! – в слезах воскликнула Мари. – Как я ошиблась в тебе! Уж

---

* Панталоне – смешная кукла.

КРЁСТНЫЙ КАЗАЛСЯ СОВСЕМ ДРУГИМ
И ГОРАЗДО БОЛЕЕ УРОДЛИВЫМ, ЧЕМ ОБЫЧНО

С этими словами старший советник суда полез в карман и осторожно вытащил оттуда – как вы думаете, дети, что? – Щелкунчика, которому он очень искусно вставил выпавшие зубки и вправил больную челюсть.

Мари громко вскрикнула от радости, а мать сказала, улыбаясь:

– Вот видишь, как заботится крёстный о твоём Щелкунчике...

– А всё-таки сознайся, Мари, – перебил крёстный госпожу Штальбаум, – ведь Щелкунчик не очень складный и непригож собой. Если тебе хочется послушать, я охотно расскажу, как такое уродство появилось в его семье и стало там наследственным. А может быть, ты уже знаешь сказку о принцессе Пирлипат, ведьме Мышильде и искусном часовщике?

– Послушай-ка, крёстный! – вмешался в разговор Фриц. – Что верно, то верно: ты отлично вставил зубы Щелкунчику, и челюсть тоже уже не шатается. Но почему у него нет сабли? Почему ты не повязал ему саблю?

– Ну ты, неугомонный, – проворчал старший советник суда, – никак на тебя не угодишь! Сабля Щелкунчика меня не касается. Я вылечил его – пусть сам раздобывает себе саблю где хочет.

– Правильно! – воскликнул Фриц. – Если он храбрый малый, то раздобудет себе оружие.

– Итак, Мари, – продолжал крёстный, – скажи, знаешь ли ты сказку о принцессе Пирлипат?

– Ах нет! – ответила Мари. – Расскажи, расскажи, милый крёстный!

– Надеюсь, дорогой господин Дроссельмейер, – сказала мама, – что на этот раз вы расскажете не такую страшную сказку, как обычно.

– Ну конечно, дорогая госпожа Штальбаум, – ответил Дроссельмейер. – Напротив, то, что я буду иметь честь изложить вам, очень занятно.

– Ах, расскажи, расскажи, милый крёстный! – закричали дети.

И старший советник суда начал так...